

Матвеева Мария Григорьевна.
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост..."

ВОСПОМИНАНИЯ. 1941-1944 ГОД.

ГОДЫ, ПРОЖИТЫЕ В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ.

НАЧАЛО.

Мне тогда было 19 лет. Я работала на заводе Литейно-механическом при комбинате им. Кирова, а жили мы всей семьей на Суворовском 65 в квартире № 222. Это была коммуналка из 5 комнат, обычное явление, все тогда так жили. Комната была 14 метров, а нас 5 человек: папа, мама, я, брат и сестра.

22 июня, утром, очень рано я пошла на работу (в те времена опаздывать на работу было нельзя, за это могли и осудить). У нас-то дома радио не было, вот я и шла себе спокойно на работу, ничего не зная, не о чем не подозревая. Сказали мне уже на заводе:

- Ты что, не слышала? Война!

Я охнула, мне стало как-то не по себе, но не страшно, точнее не так страшно, тогда ведь мы все ещё не представляли, что нас ждет.

Первым страшным симптомом войны стало сообщение о том, что у нас, на Суворовском около Смольного, бомба попала в академию, а туда только что привезли раненых. Мы все побежали туда, не знаю, было ли это желание помочь или бездумное любопытство... Весь дом горел, раненые погибали в огне, падали обгорелые вниз. Нет, это было не здание...это была сплошная дыра. Одного видела, не могу забыть, никогда не могла, и, наверное, уже не смогу: одна рука перевязана, а другой он держался за балку пятого этажа, а обгорелые тела всё

Это я 19 сентября
1937 год

падали и падали вниз. Не знаю, что с ним стало, отвернулась. Нас попросили помочь, относить носилки с ранеными в госпиталь, старый военный госпиталь на Суворовском д.63, который находился рядом. Мы с девчонками носили и возвращались, носили и возвращались, было очень страшно смотреть на их страдания и боль, они умирали у нас на глазах...

А потом такие явления перестали быть необычными: горели Бадаевские склады, где хранились продукты, потом попала бомба в горвод, это откуда вода подавалась в краны, и поэтому воды больше не стало.

8 сентября 1941 года объявили, что мы в кольце.

БЛОКАДА

Появились ежедневные пайки, реальность блокадного времени, ставшая роковой для многих ленинградцев.

Нормы хлеба:

Рабочим – 250 г. в день.

Остальным – 125 г.

И все, больше ничего...

За водой мы ходили на Неву, в мороз 40 градусов. На Неве была прорубь вот и черпали, кто в чайник, кто в бидон.

Объявили эвакуацию, но мама решила никуда не ехать, в последствии оказалось, что это решение было правильным, мама всегда обладала необыкновенной интуицией, многие эшелоны были обстреляны, некоторые всё равно возвратили в город.

Нас было у нее трое: я, Валентин 14-ти лет и Нина 12-ти лет.

У нас была комната 14 метров. В комнате была настоящая кирпичная плита, чем мы отапливались. До войны не у всех были батареи, а было печное отопление. Вот мы её и топили, жгли все подряд: вещи, стулья, а потом, когда

жечь стало нечего - книги. Вот так и начался голод, холод, тьма. Но эта печка нас не просто грела, она нас спасала.

**Это мама и мой младший брат
Валя после войны**

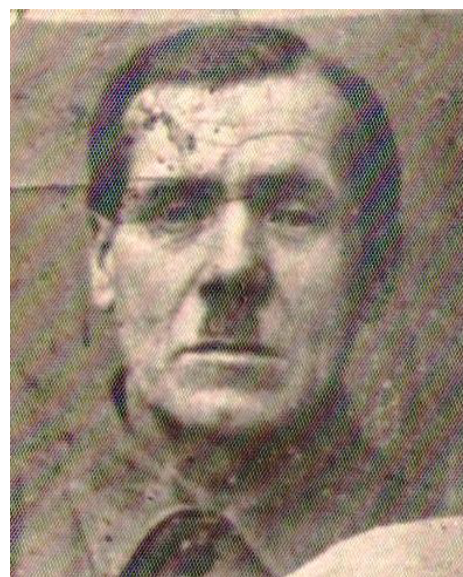
Какими судьбами нас мама спасла, не знаю. Без нее нам пришлось бы плохо. Я до сих пор благодарю дорогого мне человека, мою мамочку! Она не давала нам лежать, заставляла постоянно двигаться, постоянно чем-то нас занимала. Например, утром поднимала нас, и за хлебом посылала в булочную. Чаще всего туда ходил брат, я за водой на Неву, а мама с сестрой искать, чем затопить печку, и находили все, что попадало под руку.

Эта печь нас спасла теплом. Дверь и окна были занавешены одеялами, а в коридоре ледяной пол, все замерзло от такого холода. Чтобы в комнате было немного света, мама сделала из консервной банки светильник. Туда наливался керосин, а в крышку фитилек вставлялся. Он горел и давал нам хоть какой-то свет.

Наступила самая страшная зима 1941-1942 года.

Меня и ещё 5 девочек в эту зиму послали на 2-ую ГЭС.

Мы очищали топки от шлака, вот нагрузим тачку и катим ее на двор за кочегарку, кое-как опрокидываем и обратно в кочегарку и так 12 часов. Это была подготовка, чтобы дать электричество, чтобы пошли трамваи и свет в дома. За эту работу нам давали кроме хлеба дрожжевой суп просто из дрожжей и лепешку. Я сама не ела, а несла домой в котелке. Мама, сестра и брат ждали меня с таким обедом. Мама разбавляла его кипятком, а потом мы вместе ели.

**Мой папа – Шишалов Григорий
Егорович (19.11.1893г.-**

Надо сказать, что мама нас поддерживала, как могла. А весной стали давать 400г. крупы, которую мама варила просто на воде, и нам казалось это вкусным.

В эту страшную зиму у нас умер отец 16 февраля 1942 г. Ему было всего 48 лет. Я помню, как он пришел тогда домой, на нем лица не было и сказал: «Кажется, я потерял карточки. Я не выживу. Поищи, Марусенька (дома меня всегда называли Марусенька), в подкладке». Я стала искать, обшарила все карманы, перевернула всю подкладку...нет! Отец заболел, с каждым часом ему становилось всё хуже и хуже. Мама – женщина всегда деятельная, и та растерялась, нам же, детям, было просто жутко. Он просил: «Принеси, Марусенька, воды» - и я поила его из кружки. Промаялся он несколько дней, затем умер.

Вот такая судьба.

Мама обшила его одеялом, и мы свезли его на санках на задний двор в прачечную. Сил не было довести до кладбища, да и на кладбище все равно не схоронили бы. Мороз был 40 градусов. Чтобы вырыть могилу надо заплатить только хлебом. А весной увозили на Пискаревку, в общую могилу.

Вспоминаю об этом, и делается страшно, как только мы могли все пережить. А вы ведь ничего не знаете, совсем ничего.

Два раза я чуть не погибла. Бог, видимо, отвел, судя по всему, нужна я была на этой земле.

Это было в начале войны в конце августа 1941 года. Мы с подружкой поехали на работу, сели на 10 трамвай и вдруг тревога, всех высаживают и загоняют в бомбоубежище. Это было на Лиговском проспекте около ул. Разъезжей. Всех загнали в парадную дома, а мы в убежище не пошли, боялись на работу опоздать. Бомбы с самолетов бросают, кругом взрывы, дворники ушли, а мы выбежали на улицу, и только перебежали на другую сторону, как в этот дом, из которого мы убежали, попала бомба. Нас только прижало к стене, и мы упали от волны взрыва на асфальт. А там дом уже весь горел. Кто там остался, все погибли, вот так могли и мы погибнуть, если бы не убежали.

Долго эти развалины так и стояли, уже после войны стали разбирать. Сейчас там стоит другой дом.

Другой случай произошел уже зимой, в самый голод. Я уже работала на ГЭС. Там нам давали паек за работу. Я пошла в столовую получать паек. Подошла моя очередь, я получила суп и вылила это все в свой котелок, чтобы снести домой, дома меня ждали, я просто не могла съесть это всё одна. И вдруг тревога. Я пошла в кочегарку, и тут прозвучал невероятной силы взрыв в цеху, как раз там, где была столовая. Именно туда попала бомба. А что было бы, если бы я задержалась? Или не дошла бы моя очередь? Все кто там были, погибли. Все было разбито. Цех, где люди работали, превратился в сплошные развалины. Девчонки мои кричали: «Как? Ты жива? Ты же в столовую пошла». А Бог меня увел буквально за три минуты до взрыва»...

Самое страшное время наступило в январе 1942 г., голод и холод. Много людей умерло в этом месяце. 3 дня вообще хлеба не привозили. И у нас булочная рядом была закрыта, поскольку не было хлеба. Сказали, что на 2-ой Советской улице привезли хлеб, а это от нас 5 остановок надо идти пешком, ничего же не ходило.

Снег лежал на тротуарах, и пройти было очень трудно, а тем более ослабшему от голода. Но надо было идти, и мама послала меня как старшую со всеми карточками на всю семью. Там была большая очередь. Многие тут же умирали, не получив и хлеба, ничего не оставалось, как садиться прямо на тела, ещё не остывшие, чтобы самим не замерзнуть.

Когда я получила хлеб, уже стемнело. Я шла долго, прижимая сумочку к груди, страшно ведь, кто угодно мог выхватить...

Меня дома ждали долго, и уже думали, что погибла дорогой, но самое страшное, что и они погибли бы, карточки-то все у меня и хлеб... эта мысль заставляла идти дальше, несмотря, ни на что. Когда я вошла в комнату мама упала на колени, обняла руками мои ноги и заплакала. Рада, что я живая пришла. Брат и сестра стали меня раздевать, ведь я была вся в снегу. Помню, потом мама растопила печку, и мы пили горячий кипяток с хлебом...этот поздний вечер был одним из счастливых в те страшные годы.

Так вот и жили до весны, а там стали давать крупы понемногу и хлеба прибавили, но это уже летом и осенью другого года. Сейчас наверно не могут представить, кто этого не видел.

25 апреля 1944 года я была награждена медалью «За оборону Ленинграда». И по сей день для меня эта награда является самой дорогой в моей жизни.

МОЙ МУЖ

В 1944 году закончилась блокада, а в 1945-м – война, тогда же я встретила своего будущего мужа, фронтовика – Александра Гавриловича Матвеева. Он прошел всю войну, рассказывал мне мало, даже отказался публиковать свои воспоминания в книге, составленной его боевыми товарищами. Он больше молчал, знаете, иногда молчание дороже многих слов. Но кое-что мне удалось сохранить, и я записала несколько фактов с его слов.

В первые дни войны он пошел на фронт добровольцем и направили его в 48 стрелковую дивизию (301-ый стрелковый полк). Полк этот стоял у Петергофа, в Английском дворце, а немцы были уже тоже в Петродворце, у часового завода. Их полк здесь держал оборону, были страшные бои, непрерывный обстрел дворца. Приходилось ползком, на животе, выходить в разведку за языком, да и просто разведать положение. А так, чтобы дать отпор во весь рост – нет, так просто не встать.

Силы были не равны. Немцы превратили этот дворец в руины, и полку пришлось отступать, до станции Мартышкино. Потом они закрепились, да и выбора другого не было, был строгий приказ держать оборону – «ни шагу назад». Так и образовался Ораниенбаумский плацдарм – или «пяточок».

**Мой Саша на военной службе.
Каспийская флотилия. 1939г.**

Шли бои за деревню Коровино, и там сражались насмерть, так... что и от деревни ничего не осталось. Столько погибло солдат! А сейчас на том месте сохранился только столб с надписью, что была, мол, здесь деревня Коровино.

Питание было скудным, продуктов было мало, хлеба давали – 400гр бойцу, да и того не было обычно. Приходилось ловить в заливе рыбу, под обстрелом.

Александр Гаврилович ходил в разведку с товарищем, приводили языка. Это не так-то просто, нужно было на вражескую территорию пробраться... А с разведки приходили – еле ноги волокли, надо же было часами лежать и выживать, не шелохнувшись.

Так стояли они насмерть, все три года, и не отступили в битве, в схватке с врагом.

И 14 января 1943 года пошли на прорыв блокады, и прорвали, и пошли дальше. Их полк дошел до Нарвы. Под Нарвой тоже были тяжелые бои, штурмовали Нарвскую крепость, а немцы засели там крепко и били по нашим из орудий. Много погибло солдат тогда.

Вот и Александра Гавриловича ранило тогда, в обе ноги. А было так: ранило командира, Мартынова-Мамончикова, и послали за ним четырех человек с носилками, в числе их был и Александр. Хотя и был обстрел, идти было необходимо, таков приказ. Рядом разорвался снаряд и осколком ранило ему ступни обеих ног.

Товарищи унесли командира, а он так и остался лежать, и сколько времени он пролежал, не помнил, спустя какое-то время прибежала девушка-санитарка, погрузила его на плащ-палатку и поволокла в прифронтовой госпиталь, а там как смогли, так перевезли в военный госпиталь. Перенес он две операции, целый год пролежал в госпитале на станции Шексна, Вологодской области. А в 1945 году его демобилизовали как инвалида Великой Отечественной Войны.

Награжден был Александр Гаврилович медалью «за оборону Ленинграда», орденом Великой Отечественной Войны и другими воинскими медалями.

Он был стеснительным человеком, поэтому почти никогда не рассказывал о своих подвигах, а когда рассказывал, то делал это без охоты и скупно.

Мы с Сашей. 3 июня 1946 года

Умер Александр Гаврилович в 1988 году, в 68 лет.

МОЙ ОТЕЦ

29 сентября 1999 года я ездила в Кронштадт. Первый раз в жизни. Мне всегда хотелось там побывать, но раньше туда не пускали. Очень хотела побывать по той причине, что мой отец там служил 8 лет во флоте с 1913-1921 год. И участвовал в Гражданской войне. Он служил на корабле «Забияка» и был рулевым. И там, в музее я увидела с «Забияки» штурвал и медный колокол (как я потом узнала, он называется рында), на котором было написано «Забияка». И я думаю, что мой отец держал именно этот штурвал, так как был рулевым. Я очень горжусь своим папой. А сам корабль, оказывается, был отремонтирован, и впоследствии ему дали другое название. В Великую Отечественную войну 1941-1945 г. он принимал участие в боях на Балтике.

Воспоминания записали и оформили

Арина Жукова и Валерия Кузнецова.

2012 год.